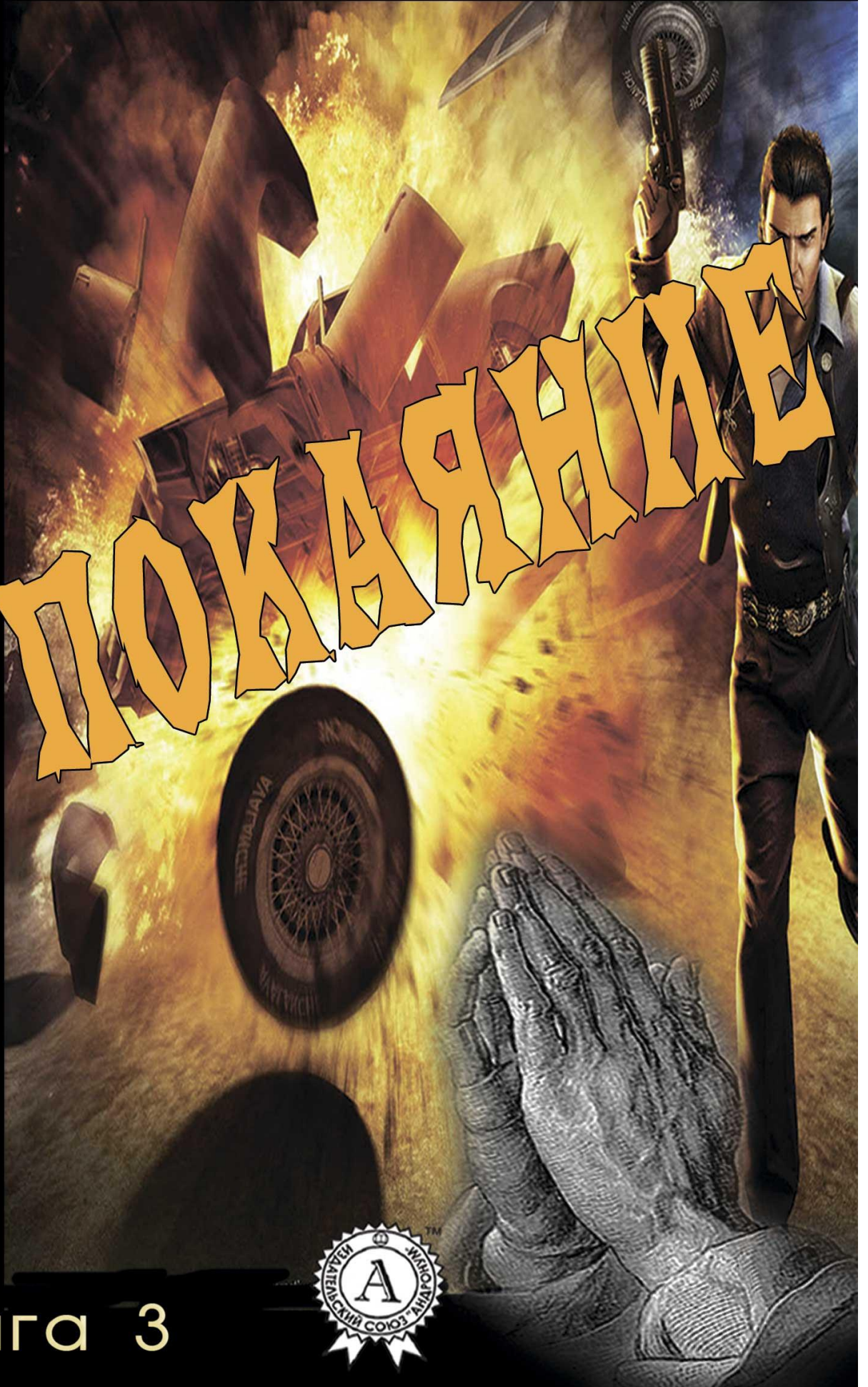

Юрий Теплов

спасенному раю не будет

ПОВЕЯНИЕ

КНИГА 3

Трилогия Ю. Теплова «Спасённому рая не будет» состоит из книг «Воскресший утопленник», «Голгофа» и «Покаяние». В двух первых книгах рассказывается, как боевики мафии охотятся за воскресшим утопленником. Ее главари предполагают, что за ним стоит неизвестная силовая структура, ибо одиночке не под силу противостоять организованной группировке. И все же боевикам удается обнаружить Усольцева в таежном староверческом скиту. Они прилетают на частном вертолете, убивают двух его друзей, а Усольцева распинают на двурогой сосне, словно Иисуса Христа.

Его спасают силовики из подразделения БД-7, которые разрабатывают наркомафию. Командир подразделения, известный по псевдониму Пилот, решает использовать экстрасенсорные способности Усольцева в своих целях.

Юрий ТЕПЛОВ
Книга третья
ПОКАЯНИЕ
ФАНФУРИКИ

1

Вернувшись со своего Острова, Алексей сутки не мог прийти в себя. Перед глазами стояла Оника. Триста лет — не слишком ли много для ожидания? Сменятся четыре поколения людей, пока наступит Судный день, и Алексей сможет скинуть с себя вериги навязанного ему обета. За это время успеют состариться и покинуть земное бытие не только его дети, но и их внуки. А он останется таким же, но чужим для каждого поколения и неприкаянным, как вечный Жид.

Жизнь продолжалась. Надо было отработать долг Пилоту, и Алексей взял себя в руки. Выполз из дома, побродил среди пятиэтажек, дошел до метро. В магазине «Эльдорадо» купил себе навороченный ноутбук, зарегистрировав его на свою временную фамилию Турченко. Когда истекли трое суток, которые дал ему Пилот на адаптацию, за ним приехал на Жигулях девятой модели Талгат. Он позвонил ровно в 7.30 утра и повез в избирательный штаб генерала Баскакова.

Столица уже проснулась, по Рязанскому проспекту шел сплошной поток автомобилей. Ближе к центру машинный поток стал гуще, но тугих пробок пока не было. Невозмутимый и молчаливый Талгат лавировал среди иномарок, ухитряясь оставлять их позади. Уличную Москву Алексей знал плохо, привык к перемещениям в подземке. Лишь по памятнику Гагарину сориентировался, что их жигуль выбрался на Ленинский проспект, откуда свернул на Профсоюзную улицу.

Через час с лишним они подъехали к железным воротам с охранником. Талгат сунул ему под нос зеленый пластик, и ворота со скрипом открылись. Их девятка остановилась у здания с выцветшей вывеской «Федерация футбола». За металлической дверью находился турникет, за которым маячил добрый молодец в синей униформе. Наверняка, подчиненный Георгия. Алексей поднес пропуск к зеленому пятну, турникет освободил проход. Охранник оглядел его пристальным взглядом.

— Начальник службы безопасности здесь? — спросил его Алексей.

— Ромео? — переспросил тот и показал на коричневую дверь слева с надписью «Диспетчер».

Алексей узнал фамилию Георгия уже на полигоне после того, как они прилетели из Бобровки. Возможно, фамилия не настоящая. Впрочем, не его это дело.

Георгий сам вышел в вестибюль.

— Я провожу вас, — сказал.

Похоже, что к футболу здание никакого отношения давно не имела. Большой зал был разделен на отсеки с множеством столов и компьютеров. В торце было небольшое дощатое возвышение в виде помоста. На нем, видимо, чествовали когда-то отличившихся спортсменов. Теперь на помосте стояли обычный классный стол, накрытый зеленым сукном, и три канцелярских стула. Из зала четыре высоких двери вели в другие помещения. Георгий показал на крайнюю дверь:

— Генерал Баскаков ждет вас, — и вернулся на свой диспетчерский пост.

Алексея встретил средних лет мужчина в строгом сером костюме, не скрывавшим выправки кадрового военного. Он с любопытством и некоторым недоверием оглядел нового сотрудника, рекомендованного Пилотом. Похоже, очень сомневался в его непонятных для обычного человека способностях. Спросил через довольно продолжительную паузу:

— Вы — Алексей? То есть Иван Сергеевич?

— Да.

— Здравствуйте! Я — Баскаков. Ваше рабочее место в кабинете начальника избирательного штаба. Я предупредил его. Идемте знакомиться.

Кабинет руководителя выборным процессом располагался по соседству. В комнате стояли три письменных стола, два буквой «Т», один на отлете. На стенах с двух сторон висели новенькие бра. При футбольной федерации их здесь явно не было. Да, и вообще, им тут не место. Похоже, что служат они для слуховых жучков или видеоглазков. А пульт, наверняка, у Георгия, в диспетчерской.

В председательском кресле сидел молодой человек в красном пуловере, из-под которого выглядывала белая сорочка. Был он черноволос, бел лицом и уверен в себе.

— Виктор Спартакович Шишмарёв, — назвал его генерал и представил Алексея: — Иван Сергеевич Турченко. — Затем распорядился:

— Ознакомьте коллегу с обстановкой, Виктор.

Когда генерал вышел, Шишмарев сказал:

— Давай, Иван, без церемоний, без отчества и на «ты».

— Давай, — согласился Алексей.

— Раньше тебе приходилось работать в избирательной кампании?

— Нет.

В голове Шишмарева мелькнуло легкое удивление, тут же сменившееся удовлетворением. Алексею нетрудно было расшифровать и то, и другое. Удивление из-за того, что его консультантом стал человек без какого-либо опыта. Удовлетворен же он был тем, что новый работник конкурентом ему не станет. «Ванька он и есть Ванька! Может, даже генеральский родственник. А в команду генерал его впахнул, чтобы срубил деньги».

Виктор Шишмарев руководил уже третьей избирательной кампанией. Первая и самая памятная — выборы губернатора Московской области. Он работал тогда на известного биатлониста, поменявшего вдруг родимую лыжню и надежный карабин на политическую целину. Финансировал выборы заслуженного спортсмена магнат по фамилии Живило, который что-то не поделил с кемеровским губернатором, и тот его выпер из Кузбасса. Долларов магнат не жалел.

Учитывая административный ресурс, Шишмарев тогда посчитал главным соперником биатлониста прежнего губернатора, и все внимание сосредоточил на нем. Спортсмен проиграл выборы, но не ему, а генералу-афганцу, остававшемуся в тени до поры до времени. Несмотря на проигрыш, Шишмарев заработал за ту кампанию триста тысяч зелеными.

Во второй раз ему удалось зацепиться за выборы в областную Думу. Заработок был не в пример меньше. Но его кандидат победил. Команда попала в негласный список тех, в ком нуждались соискатели мандатов.

Шишмарев сам предложил генералу Баскакову свои услуги, для чего даже занижил их рыночную стоимость. И теперь горел неукротимым желанием выиграть выборы, чтобы оставаться на виду и быть всегда востребованным.

Все это Алексей без труда выудил из тайничков его извилин.

— С чего начнем? — спросил Шишмарев.

— Введи в обстановку, Виктор. Кто конкуренты нашего генерала?

— Конкурентов хватает. Основных — два. Коммунист Звоников по прозвищу Оратор и бизнесмен Заурбеков.

— Подборки материалов из СМИ на них имеются?

— У нас есть досье на всех, кроме Звоникова.

— Что так?

— Потому что он — Оратор. В газетах не печатается. Ездит с мегафоном в открытом газике по улицам и произносит речи. Никаких текстов, на голой интуиции. Его досье — пустая папка.

— Странников у него много?

— Имеются. Умеет забалтывать электорат. Но главный наш соперник — Заурбеков.

— Дай его досье. И нашего генерала тоже.

— Тебе это надо? — насторожился Шишмарев.

— Должен же я отрабатывать свой хлеб с маслом.

— Должен, — усмехнулся успокоившийся Шишмарев. — Отрабатывай.

Алексей устроился за столом, стоявшим на отшибе, и углубился в публичное досье виновника гибели своих друзей.

Папка была довольно объемной. В ней были копии выступлений Заурбекова чуть ли не по всем каналам телевидения и вырезки из самых разных газет: «Московский комсомолец», «Коммерсант», «Новая газета» и прочие. Прочитать все — не хватит и дня. Он выборочно начал перелистывать листы.

Судя по прессе, Заурбеков предпочитал прямое обращение к читателям: «Дорогие земляки — избиратели!», «Дорогие солдатские матери!», «Доблестные защитники Отечества!» и все в таком роде. Эти публикации были с его фотографиями. Ретушёр постарался, и он выглядел на них, как былинный русский витязь. Чуть ли не беззубый рот стал вполне нормальным. Восточный тип лица едва проглядывался.

Не чурался Заурбеков и авторства серьезных статей: «Независимые люди всегда неудобны», «Главное — не падать духом!», «Куда идут ваши налоги». В текстах он не выпячивал себя, выглядел серьезным аналитиком. Зато статьи «нейтральных» корреспондентов изобиловали дифирамбами. В них описывались строительство храмов и спортивных площадок с обязательной фотографией кандидата со священнослужителями, с богомольными старушками, среди детворы. Рассказывалось о материальной помощи детским домам и школам, спонсорской поддержке работников искусств, облагораживании кладбищ. В одной из газет был даже опубликован политический сканворд, в котором был вопрос: «Кто, на ваш взгляд, победит на выборах?» Вписывалась в обозначенную клетку только фамилия Заурбекова.

Ничего не скажешь, толковая команда работала на него. И оплаченные журналисты не лишены способностей.

В одной из газет Алексей наткнулся на таблицу со сведениями об имуществе соискателей депутатского мандата. Самым бедным в списке оказался Звоников. У него не было ни земельных участков, ни дач, ни гаражей. Лишь — квартира в хрущевской пятиэтажке и газик пятнадцатилетней давности.

Заурбеков по своим доходам и имуществу был на первом месте. Но доходы особо не впечатляли. Так, бизнесмен средней руки. Понятно, что фирмы и недвижимое имущество его юристы регистрировали на подставных лиц. Ну, а криминальный капитал никто и никогда не показывал...

Папка генерала Баскакова была раз в пять тоньше. И статьи в ней отличались прямолинейностью и тяжеловесностью, будто прошли через цензорские жернова. Возможно, генералу просто не хватило средств, чтобы нанять талантливых ребят. Не исключено также, что таков был уровень его мышления. Ясно, что с таким багажом в лидеры предвыборной гонки ему не выбиться.

Ровно в десять утра Шишмарев поднялся из-за стола:

— Пора на летучку, Иван, фанфурики уже на месте.

— Кто на месте? — переспросил Алексей.

— Наши сотрудники.

«Фанфурики» звучало с оттенком снисходительности, и даже пренебрежения. Слово было в стиле желавшего главенствовать Шишмарева. Оно подчеркивало разницу между руководителем и подчиненным человеком.

— Ты не обидишься, Иван, если я представлю тебя своим заместителем?

— Представляй.

В зале было не меньше тридцати человек. Одни сидели за компьютерными столами на вертящихся креслицах. Другие устроились в своих отсеках на канцелярских стульях. На отшибе Алексей обнаружил Георгия и Юлию, сидевших на диване у входной двери. С ними была чернявая девица в топике, открывавшем пупок с серебряной бусинкой. У нее было лицо южанки из семитского племени, с грешными губами и круглыми топкими глазами. Если бы не голый пупок, ее бы можно назвать весьма привлекательной. Алексей поймал себя на мысли, что ему знакомо ее лицо. Хотя, всего скорее, он ошибался.

Двигаясь по проходу к сцене, Шишмарев небрежно пояснял:

— Креативная группа, имиджмейкеры, пресс-служба...

Журналистское прошлое сказалось. На пресс-службу Алексей обратил особое внимание. За компьютером сидел молодой и лысоватый толстячок, на стульях — три юных барышни. Одна — полноватая и некрасивая, в сером вязаном костюме. Две другие — ярко одетые, и тоже, как девица на диване, с голыми пупками.

— Привет, фанфурики! — по-свойски обратился к аудитории Шишмарев, когда они с Алексеем заняли места за столом, накрытым зеленым сукном. — Представляю вам нашего нового сотрудника. Мой заместитель Турченко Иван Сергеевич. А теперь выкладывайте новости и идеи.

Новость была только одна. Серокостюмная барышня из пресс-службы подняла, словно школьница, руку:

— Можно мне, Виктор Спартакович?

— Озвучивай.

— Вчера в электричке я видела двух теток. Они ходили по вагонам и пели частушки. Одну частушку я записала. — Она открыла блокнот и процитировала: *«Мы на выборы вдвоем вместе с миленьким идем. У милёнка светлый волос. Он в любви неутомим. Мы на выборах свой голос Заурбеку отдадим»*. — Частушки, конечно, не профессиональные, Виктор Спартакович. Но пассажиры к ним прислушивались. Предлагаю взять на вооружение.

— Дешевка! — отреагировал Шишмарев. — Садись, дудыня!

Еще одно новенькое словцо — «дудыня», — отметил Алексей. — Что-то типа «гусыня», и тоже с долей небрежения.

— От вас должны исходить идеи, а не алкогольный перегар, — продолжил Шишмарев. — Так, Лубченков?

Лысоватый толстячок поднялся с места:

— Совершенно верно.

— Две твои дудыни явились вчера с перегаром. Разберись, или я сам приму меры!

— Разберемся, Виктор Спартакович.

— Так что, фанфурики? Есть идеи или нет?

Идей не было. Похоже, что их генерировал только сам Шишмарев.

— Одну идею я для вас приготовил, — объявил он. — От штаба господина Заурбекова поступило

предложение подготовить совместное обращение к избирателям «За честные выборы!», которое должно быть подписано обоими кандидатами. Надеялись, что мы откажемся, и они этот факт обыграют. Напрасно надеялись. В 16.00 мы с моим заместителем поедem к ним для обсуждения текста обращения. Наш кандидат тоже за честные выборы! Но, как вы понимаете, абсолютно чистых выборов не бывает. Мы не станем клевать в наших агитках Заурбекова. Станем это делать руками наших и его соперников. Лучше всего, от имени коммунистов. В этих листовках будем долбать его по-черному, и по-умному — генерала Баскакова. В своих же агитках станем Заурбекова похваливать, но так, чтобы избирателя тошнило. Тут должна постараться наша пресс-служба. Понял, Лубченков?

— Понял, Виктор Спартакович. В какой типографии станем печатать левые листовки?

Алексей уловил исходящие от начальника прессслужбы волны неподдельного интереса, и это его насторожило.

— Типография — мое дело, — ответил Шишмарев. — Ваша задача перевести стрелки на Оратора. Постарайтесь написать так, чтобы заурбековцы сильно прогневались и стали обливать грязью кандидата от коммунистов. Наш генерал, само собой, останется в стороне.

— Хитро придумано, — поддакнул Лубченков.

— Следующее, — продолжил Шишмарев. — Мы должны подготовить и распространить брошюру под названием «На 50 главных вопросов избирателей отвечает генерал Баскаков». Вопросы должны вобрать в себя самые болевые точки: работа, зарплата, пенсии, призыв в армию и прочее. Два дня сроку на то, чтобы каждый из вас подготовил по три вопроса и ответы на них. Так, чтобы они зацепили избирателей. Со стилем не напрягайтесь, главное — содержание. Мы найдем писателя, чтобы он вашу лабуду переработал и придал ей читабельность.

— Мы и сами можем сделать брошюру читабельной, — снова поднялся с места Лубченков.

— Профессионализма не хватит! — осадил его Шишмарев. — Всё, фанфурики! Бабки вам выданы. Занимайтесь своими агитаторами, готовьте встречи с избирателями, договаривайтесь с попсой насчет концертов. И не вздумайте волыннить!

В кабинете Шишмарев спросил Алексея:

— Как тебе легучка, Иван? По делу?

— По делу. А что за люди сидели на диване у выхода?

— Двое из службы безопасности: начальник и психолог с детектором лжи. Дармоеды. Мне они не подчиняются, контактируют напрямую с генералом. Девуля с пирсингом на пупке — менеджер. Соня Сахарова, родом из Одессы. Все переговоры с прессой, телевидение и съемка — на ней. Ей уже за тридцать, а может, и под сорок, но выглядит, как выпускница вуза. В узде себя держит.

— В каком смысле «в узде»?

— Спорт, диета. По ночным клубам не шляется. Профессионалка, но дорогая!

— Охарактеризуй каждого из руководителей групп и, по возможности, рядовых сотрудников.

Гримаса недовольства скользнула по лицу Шишмарева, но спорить с консультантом он не стал. В незнании анкетных данных его нельзя было упрекнуть. Все сотрудники были с высшим образованием, четверо имели кандидатскую степень. Однако выглядели они в его изложении безликими, как магазинные манекены. Слегка оживел Шишмарев, когда дошел до прессслужбы.

— С Лубченковым мы жили раньше в одном доме. Закончил журфак МГУ. Что-то сочиняет, никогда не читал. Хороший исполнитель, но не лидер. Девочек в отдел подобрал из выпускниц своего факультета. Страхолюдина Кривова лезет из кожи, чтобы себя показать. Толку от нее мало. Дудыня, в общем. Две других, с голыми пупками, изображают из себя матерых журналисток, но пишут на тройку с минусом. Зато дают без отказа, лишь бы в кабаке сводили. Можешь сам убедиться.

— Хорошо знаешь персонал, — похвалил Шишмарев Алексея.

— На этом держимся, — без ложной скромности согласился тот.

— Пойду, побеседую выборочно с народом.

— С журналистками?

— Нет, с руководителями групп.

— Тебе это надо? — опять спросил он. — Ах, да. Отрабатываешь хлеб с маслом. Валяй!

Алексея интересовал лишь один Лубченков. Его девицы успели улетучиться, в своем отсеке он был один. Щелкал мышкой, уставившись на монитор.

Для отвода глаз Алексей побеседовал с креативщиком и направился к Лубченкову. Тот оторвался от компьютера и привстал с креслица:

— Рады видеть новое начальство, — поприветствовал он Алексея. — Как видите, я на посту, а девушки в поле. Журналиста, как и волка, ноги кормят.

Алексей устроился на стуле рядом.

— Вы задали Шишмареву вопрос о типографии. Что, могут возникнуть проблемы?

— В общем-то, нет. Но информация лишней не бывает.

В тот же миг в голове его возник образ одышливого толстяка в круглых очках, протягивающего ему пачку зеленых ассигнаций. Возник и тут же исчез, уступив место серебристой иномарке. Эх, Лубченков, Лубченков! Убогая же твоя голубая мечта! За серебристый автомобиль проданся!.. Алексей задал ему еще пару ничего не значивших вопросов и спустился на первый этаж к Георгию.

— Засланный казачок — начальник прессслужбы. Платит ему кассир из штаба Заурбекова. Это пожилой толстяк в круглых очках. Лубченков копит деньги на серебристый спортивный автомобиль. Чтобы не было подозрений, пусть Юлия устроит проверку на детекторе лжи всех руководителей групп. Пропуск у Лубченкова отбери, чтобы с завтрашнего дня он здесь не появлялся.

— Сделаем, — коротко ответил Георгий.

— Шишмарев пригласил меня на переговоры в штаб Заурбекова.

— Я в курсе.

Алексей не сомневался, что Георгий в курсе. Недаром, в кабинете Шишмарева висят бесполезные бра.

— Мне ехать или нет? — спросил он.

— Решайте сами. Встреча с Заурбековым вам не грозит. Он из своего офиса вылезает редко. Даже на встречи с избирателями почти не ездит. А если едет, то с большой охраной и в бронезилете.

— Кто руководит его штабом?

— Политолог из гайдаровского института, фамилия Самойлов. На подхвате у него — помощник Шурик. Любит, когда его называют Санч — сокращенно от «Александр Александрович». Предан Самойлову, как любимая собака. Оба — те еще пройдохи!..

Когда Алексей вернулся на свое рабочее место, Шишмарев спросил:

— Ну, как?

— Нормально. Вроде бы все занимаются делом. Хотя, чем конкретно, не знаю.

— Не бери в голову, Иван. Их конкретные дела — моя забота. Не исчезай, скоро обед. Тут нас на халяву кормят. Обед привозят из кафе. Ты Баскакова давно знаешь?

— Служил когда-то у него.

— Где, если не секрет?

— В Забайкалье.

— Ни хрена себе — Тмутаракань! Сейчас тоже служишь или свалил из армии?

— Свалил.

— Правильно сделал. Умному человеку на гражданке — раздолье. В армии только генералы прилично кормятся. Остальные — голь перекатная.

Дверь без стука распахнулась, и в кабинете объявился «прилично кормящийся» Баскаков.

— Я уезжаю, Виктор. Предупреди руководителей групп, чтобы после обеда никуда не отлучались. Они должны пройти проверку на детекторе лжи.

— Нас это тоже касается? — спросил, изображая неведение, Алексей.

— Нет, вы — вне подозрения, — и вышел.

— Вот они, армейские порядки! — недовольно пробурчал Шишмарев. — Слава Богу, хоть мы вне подозрения.

Предвыборный штаб Заурбекова располагался в обнесенном решетчатой металлической оградой двухэтажном особняке недалеко от метро «Кропоткинская». В этом районе много таких старинных особняков. Неохраняемые ворота были распахнуты: входите, въезжайте, у нас секретов нет! На здании красовался большой портрет кандидата в депутаты. На нем красными буквами бросалась в глаза надпись «Всегда с народом!».

Слева от подъезда находилась обнесенная ажурным заборчиком и сверкавшая свежей краской чистенькая курилка. Две скамейки на гнутых ножках стояли по бокам красной урны в виде пингвина. С правой стороны здания была разлинована десятиместная автостоянка с обозначенными белой краской номерами автомобилей. Четыре места были заняты иномарками. Остальные свободны. На трех красовалась надпись: «Гостевая». На одной из них и припарковалась «Шкода», на которой приехали Шишмарев и Алексей.

Охранник в милицейском камуфляже без погон и в кепке с длинным козырьком топтался на подъездных ступенях. Что-то знакомое почудилось Алексею в его облике. И тут же память услужливо нарисовала вихлястого парня с лисьей физиономией, пасшего его вместе с напарником-борцом в вагоне алма-атинского поезда.

Тогда Алексей ехал в бывшую столицу Казахстана к дочери. Двухместное купе он делил с финансово-кредитной дамой. Последовавшие за ним пастухи входили в группировку Юсупа. А тот был подручным Заурбекова. Пастухи ухитрились переместить даму в купе к борцу Кериму, а вихлястый парень

вселился на свою беду к Алексею. Так ему было сподручнее следить за Утопленником. Кончилось все тем, что Серый, как тот назвал себя, сдал подельника и отправился назад в Москву. Керим обвинил финансовую даму в краже денег и хотел выбросить с поезда. Алексей помешал ему. Дама сама вытолкнула борца из тамбура под откос.

— Рад тебя видеть живым, Серый, — глядя на охранника в упор, произнес Алексей, когда они с Шишмаревым поднялись на крыльцо.

Тот тоже признал Утопленника, несмотря на то, что гример добросовестно потрудился над внешностью Алексея. Видно, встреча в поезде и исчезновение напарника на веки вечные врезались в скудные извилины. Лисья физиономия вытянулась еще больше, глаза забегали и остановились на пингвиновой урне. Сам же он застыл, словно кролик перед удавом.

— Не надо пугаться, Серый.

Тот не отреагировал на доброе пожелание.

— Помнишь, о чем договаривались?

— П-помню.

Он и попытки не сделал проверить документы. Как стоял мумией, так и остался.

— Знакомый? — спросил Шишмарев, когда они поднимались по лестнице.

— Сын соседки, — наспех придумал Алексей.

Вход на второй этаж сторожили два здоровяка из вневедомственной охраны, прапорщик и сержант. Оба решительно преградили им путь. Прапорщик, не скрывая подозрения, спросил:

— Кто такие?

— Мы от генерала Баскакова, — ответил Шишмарев. — Прибыли на совещание.

Стражи удивленно переглянулись и потребовали паспорта. Сверились со списком. Удовлетворенно кивнули.

— А что, внизу нет охранника? — поинтересовался прапорщик.

— Стоит какой-то фанфурик, — ответил Шишмарев.

— Чего же он не позвонил про вас?

— У него спросите.

— Вас ждут в головном офисе, — и приказал сержанту: — Проводи!

У двери с надписью «Приемная» провожатый вежливо сказал: «Вам сюда» и вернулся к своим сторожевым обязанностям. Из-за секретарского стола поднялась жгучая брюнетка:

— Господин Самойлов ждет вас, — и сама распахнула для важных посетителей дубовую дверь в шикарно обставленные апартаменты.

Самойлова Алексей признал сразу. Это был представительный высоколобый мужчина неопределенного возраста. В прежние времена он часто мелькал на телеэкране, когда озвучивал рейтинг кандидатов в президенты. Пьющий Ельцин у него всегда опережал других соискателей властного титула. Да и теперь политолог изредка выступал с политическими прогнозами и комментариями значимых событий. Рядом с ним сидел его помощник. Модно уложенные светлые локоны и небрежная элегантность в одежде делали его похожим на эстрадного артиста.

Самойлов встретил их улыбкой и цепким неулыбчивым взглядом. Шишмарев представился, как начальник избирательного штаба Баскакова, и назвал себя по фамилии, имени и отчеству. Алексей в его представлении удостоился только имени-отчества с добавкой «подполковник запаса».

Когда уселись за круглый стол, подчеркивающий равенство сторон, хозяин апартаментов спросил:

— Кофе? Коньяк?

— Лучше сразу к делу, — отказался Шишмарев.

— Одобряю, — согласился политолог. — Вот подготовленный текст совместного обращения к избирателям наших кандидатов — Заурбекова и Баскакова, — достал из кожаной папки несколько листков. — Мы предлагали присоединиться и коммунистам, но они, к сожалению, отказались. Читайте. Если у вас есть замечания, подкорректируем вместе.

Алексей пробежал текст по диагонали. Все было правильно: не убавить, не прибавить. В лозунгах и агитках всегда все правильно. Впрочем, не его это дело. Его задача — читать мысли.

Политолог оказался крепким орешком. Высоколобое чело словно было закрыто свинцовым экраном и сканированию поддавалось с трудом.

Шишмарев вчитывался в каждое слово «обращения», будто отыскивал в тексте скрытую мину. Наконец, недовольно произнес:

— Почему фамилия вашего, а не нашего кандидата стоит первой? Следовало поставить в алфавитном порядке.

— Дельное замечание, — согласился Самойлов, и колючие точки в его глазах обозначились острее. — Переставим фамилии.

После замечания Шишмарева одна мысль в голове Самойлова прорисовалась, как на картинке: «Серенький человечек. Пыжится, чтобы показать свою значимость. Его зам — серьезнее, хоть и из армейцев. Что-то в нем есть, стоит, пожалуй, к нему присмотреться».

Ключие точки исчезли из глаз политолога.

— А вы что скажете по тексту обращения? — обратился он к Алексею.

— Я согласен с коллегой.

— Что ж, вносим правку, и в добрый путь!.. Может быть, все-таки по рюмашке в честь удачного завершения переговоров?

— Нет, — отрезал Шишмарев.

По губам помощника Самойлова скользнула ироничная улыбка...

На выходе из особняка уже стоял другой охранник. Серый с понурым видом сидел в курилке. Алексей помнил его разбитным и вихлястым, будто на шарнирах. Наверное, считал, что это придает ему блатной шарм. Теперь же он лишь перебирал ногами — все, что осталось от прежней привычки. Видать, и его укатали крутые горки.

— Подожди минуту, — сказал Алексей Шишмареву и направился к незадачливому знакомцу. При его появлении тот съежился еще больше.

— Втык получил? — посочувствовал ему Алексей.

Лицо у Серого искривилось, он кивнул и проговорил:

— Менты нажаловались, что спал на посту.

— Кому нажаловались?

— Казбеку.

— Кто такой Казбек?

— Вместо Юриста теперь.

— Он тут?

— Нет. В клубе, у Евы. Здесь черные не бывают.

— Успокойся, Серый! Выживешь!

Когда Алексей уселся в машину, Шишмарев спросил:

— Чего ты с ним нянчишься, Иван? Он же шестерка — без пользы для нас.

— Жалко парня. Неприкаянный он.

— На всех неприкаянных жалости не хватит, Иван.

В ворота бывшей футбольной федерации они въехали в половине шестого. Еще через пять минут были на месте. По сравнению с заурбековским, их избирательный штаб выглядел, как «запорожец» перед сверкающим лимузином. Но и «запорожец» — средство передвижения, а в смысле проходимости — даст фору и лимузину. Особенно, если дорога грязная и вязкая.

— Кофеем побалуемся? — спросил Шишмарев, доставая из тумбочки кофейник.

Однако побаловаться они не успели. В кабинет ввалился взъерошенный Лубченков. От его вальяжного вида не осталось и следа.

— Что происходит, Виктор? — растерянно выговорил он.

— Ну, и видок у тебя! — спокойно отреагировал Шишмарев. — Что стряслось?

— Пропуск отобрали. Из штаба до твоего приезда не выпускают.

— Кто?

— Служба безопасности.

— Проверку на детекторе лжи прошел?

— Прошел.

— Ну, и как?

— Откуда я знаю! Эта сикушка задавала всякие дурацкие вопросы: про какого-то человека, то ли толстого, то ли худого, про то, какие цвета иномарок мне нравятся, хотя у меня всего лишь «жигули». Зарплатой интересовалась и левыми доходами. А откуда у меня левые доходы? Робот, а не баба: «Результат узнаете после обработки ваших ответов». И ни слова больше!

— Не дергайся. Сейчас разберемся.

Он набрал по внутренней вертушке три цифры.

— Георгий? Будь другом, загляни ко мне на минутку.

Ромео не заставил себя ждать. Кивнув на Лубченкова, спросил Шишмарева:

— Жаловаться на меня прибежал?

— Объясни, что произошло.

— Обычное дело: конкуренты заслали агента. Вот он, перед тобой.

— Какие конкуренты?

— Заурбековцы.

— Не может быть, Георгий!

— Может. Электроника не врет. Он уже успел получить за слитую информацию двадцать тысяч баксов. Мы даже знаем, что платил ему полный одышливый человек, казначей Самойлова.

Лицо Лубченкова пошло пятнами, а сам он стал похож на побитую собаку.

— Ты чего натворил, фанфурик? — рыкнул Шишмарев на Лубченкова. — Я тебя взял, потому что ты все время ныл, что денег не хватает! А ты политологу продался и меня продал, хрен моржовый! Вот они — «честные выборы»! Шпионов засылает! Завтра позвоню ему и скажу, что мы опубликуем свое обращение и назовем его «Шпионские игры»!

— Звонить не надо, Виктор, — перебил его Георгий. — На войне, как на войне. Но все, что вы сегодня решили на летучке, надо отменить. Потому что ваш приятель завтра все им выложит. Лучше набей ему морду!

— Я рукоприкладством не занимаюсь. Пускай идет на все четыре стороны!

— Поступай, как знаешь, — с этими словами Георгий вышел.

Шишмарев тяжело вздохнул, вперился в Лубченкова:

— Иуда ты, фанфурик! Сгинь с моих глаз!

Тот поднялся. Побитая собака из его облика исчезла. Даже кривая усмешка появилась на губах.

— Сам ты фанфурик и кретин, Шиш! И все вы здесь кретины! Вашему сброду никогда не выиграть выборы!

— Вон! — заорал Шишмарев.

Он долго еще не мог успокоиться и после того, как его бывший однодворец удалился. Лишь выкурив подряд две сигареты, стал приходить в норму.

— Такую акцию провалил, засранец!

— Акцию с фальшивыми листовками? — равнодушно посочувствовал Алексей.

— Ну, да. Я ее у украинцев подсмотрел.

— Отмени и забудь.

— Между прочим, я не верил в детектор лжи. А оно вон как повернулось. Попрошу Георгия, чтобы он всех проверил. Вдруг еще какой-нибудь ханурик затесался?

— Детектор тоже можно обмануть, Виктор. Но нужна специальная подготовка.

— У наших фанфуриков такой подготовки нет.

Шишмарев встал, направился к двери, снова вернулся на место.

— С прессой что-то надо решать, без главного редактора группа осталась.

— Назначь временно девчонку, которая про частушки рассказывала.

— Наташку Кривову? Она же дудыня!

— Зато старательная. Если не справится, пригласи толкового журналиста.

— Толковых расхватали за толковые деньги.

Перед мысленным взором Алексея нарисовался давний и надежный друг Валера Рязанцев, на даче которого он скрывался после побега от безгубого Заурбекова.

— Не всех толковых расхватали, Виктор, — ответил он.

— Может, есть кто у тебя на примете?

— Есть.

— Озвучь!

— Нет, проверим Кривову. А понадобится, сначала сам с ним поговорю...

На вечерней летучке Шишмарев не поприветствовал фанфуриков. Сидел и обводил подозрительным взглядом собравшихся. Аудитория примолкла. Голопупые девчонки из прессгруппы, обеспокоенные отсутствием начальника, крутили головами. Только Кривова сохраняла спокойствие. Но и она не выдержала непонятого молчания. Подняла, как в прошлый раз, руку и обратилась к Шишмареву:

— Виктор Спартакович, я подготовила вопросы и ответы для брошюры.

— Зайдешь ко мне после летучки, посмотрю, что ты настряпала.

— У меня есть предложение.

— Озвучивай.

— В почтовые ящики избирателей кидают столько рекламного и выборного хлама, что его, не читая, выбрасывают. Оставляют только полезную информацию, а ее в агитках не бывает.

— Это всем известно, Кривова. Давай короче.

— Предлагаю назвать брошюру «Полезные советы и ответы на самые злободневные вопросы». Начать брошюру надо не с портрета нашего кандидата, а со списка необходимых для жителей телефонов муниципальных и областных служб. Затем опубликовать практические советы и рекомендации по домашнему хозяйству и садоводству. В середине брошюры поместим портрет Баскакова и его ответы на вопросы. В заключение — о нем самом. Судя по анкете, он воевал в Чечне. Наверняка, в его биографии

найдется какой-нибудь героический эпизод. Олитеруим его и опубликуем. Такую брошюру никто не выбросит.

— В твоей идее, Кривова, есть рациональное зерно, — ответил после паузы Шишмарев. — Только где мы наберем столько полезных советов?

— Моя бабушка их не меньше сотни знает. Да и в Интернете можно покопаться.

«Похоже, новый редактор не понадобится, — подумал Алексей. — А Валера Рязанцев заработает на брошюре. Пусть компонует и редактирует ее дома. Оно даже к лучшему, не измажется в нашей грязной канаве».

— Можно еще вопрос, Виктор Спартакович? — не унималась Кривова.

— Можно.

— Куда подевался наш шеф?

— Садись, Наталья, сейчас узнаешь. — Обвел взглядом фанфуриков и объявил:

— У меня поганая новость. Лубченкова я выгнал. Он оказался агентом наших конкурентов. Это выявила проверка на детекторе лжи. Начальник службы безопасности набил Лубченкову физиономию, так что ему потребуется амбулаторное лечение.

Шишмарев обвел подозрительным взглядом свое избирательное войско и грозно спросил:

— Всем понятно?

Непонятливых не оказалось.

— Мы не в бирюльки играем. В ближайшее время каждый из вас подвергнется процедуре проверки. У того, кто попадется, фейс будет испорчен надолго. — Шишмарев сделал паузу, обзрел подчиненных, словно выискивал, кто может попасться. Затем произнес: — Кривова!

Та испуганно поднялась.

— Назначаю тебя исполняющей обязанности начальника пресслужбы. Временно! Не пялься на меня, садись! У кого есть вопросы?

Вопросов не было...

— Ты зачем наврал, что Георгий набил морду Лубченкову? — спросил Шишмарева Алексей, когда они оказались вдвоем в кабинете:

— Чтобы другие боялись, Иван.

— Думаешь, испугаются?

— Я своих знаю, испугаются. Кулак в наше время — самый убедительный аргумент. Ты можешь ехать домой, а я еще погляжу, что Кривова настряпала.

«А есть ли у меня дом? — подумал Алексей. — Квартира на улице Вострухина — ночлежка. А сам я — скиталец, вечный бродяга»...

На улицу Вострухина он попал не сразу. На выходе его перехватила Соня Сахарова. В белом легком плаще, скрывавшем легкомысленный пирсинг, она выглядела вполне приличной дамой.

— Иван Сергеевич, — попросила, — вы не подбросите меня до дома? Моя машина в автосервисе, и я сегодня безлошадная.

Алексей уловил, что она врет насчет машины. И явно неспроста. Может, она заодно с Лубченковым? Дама ждала ответа, и он согласился ее подвезти, хотя и не было к тому желаниия.

Жила одесситка Соня на Волгоградском проспекте, так что было почти по пути. Попросила остановить у одного из подъездов кирпичной многоэтажки новой застройки.

— Вы торопитесь к семье, Иван Сергеевич?

— Нет.

— Приглашаю вас на кофе с коньяком. Если хотите, водителя можете отпустить.

— Я подожду здесь, — сказал Талгат.

— А если придется ждать до утра? — игриво спросила его Соня.

— Скажите номер квартиры!

— Зачем?

— Надо.

— Однако! Квартира 136. Идемте, Иван Сергеевич!

Подъездную дверь она открыла электронным ключом. В холле сказала:

— Ваш шофер — прямо сфинкс. Похоже, что на него возложены не только обязанности водителя. Так?

— Возможно. Хотя я не уверен.

Лифт бесшумно вознес их на тринадцатый этаж. Соня открыла обитую голубоватой кожей дверь в стальной раме. Неплохо, видимо, зарабатывали телевизионные менеджеры. Двухкомнатная квартира была не скудно обставлена и напичкана разной аппаратурой.

— Я поняла, что топики и пирсинги вам не нравятся, Иван Сергеевич. Потому я быстренько

изменюсь, — и скрылась в спальне.

Появилась она минуты через две в простеньком ситцевом халатике, подчеркивающим маленькую, но крепенькую грудь.

— Так лучше? — спросила.

— Лучше, — согласился Алексей.

— Еду я дома не готовлю. Хотите, закажу в кафе? Доставят через десять минут.

— Не стоит.

— Дома есть красная икра, сыр, масло и белый хлеб. И, конечно, коньяк и кофе.

— Мне кофе без коньяка.

— Коньяк отдельно?

— Нет. Не употребляю алкоголь.

— А я употребляю. Не обессудьте.

Он съел два бутерброда с икрой. Цедил маленькими глотками прекрасно сваренный кофе. И пытался выудить из нее, с какой целью она затащила его домой, и даже готова лечь с ним в постель. Ради чего? Однако ничего уловить не смог, кроме чисто женского интереса.

— Станный вы человек, Иван Сергеевич, — задумчиво проговорила она. — Не такой, как другие. Чем-то вы похожи на одного человека, который мне когда-то очень нравился. Только он ниже вас ростом и никогда не носил бороды. Ему сейчас должно быть лет шестьдесят. У вас с ним есть что-то общее. В жестах, во взгляде. Я в то время закончила в Одессе школу и отправилась за счастьем в столицу, где и встретила его.

Нет, Алексей не насторожился. Он уже понял, что произошло редкостное совпадение, и хотел убедиться в этом.

— Кто же он такой, Соня?

— Военный журналист, писатель, его еще прозвали генштабовским скворцом, потому что писал об офицерах. Кстати, очень неплохо писал.

Так оно и есть. Алексей вспомнил худенькую евреечку, топтавшуюся у дверей Дома журналистов, где он, побывавший с первой группой газетчиков в Афганистане, должен был выступать. Тогда цензура только что разрешила слово «война». А до того война скрывалась за словами «учения с боевой стрельбой», которые проходят на территории Туркестанского военного округа. Весь мир писал о войне, а советская пресса — об учениях. Несусветная глупость, которая, наконец-то, дошла и до политбюро.

Сформировали группу из десяти журналистов из ведущих средств массовой информации. «Красную Звезду» представлял Алексей. Старшим назначили популярного телеобозревателя Александра Каверзнева. Выступать в доме журналистов должен был он. Но он еще в самолете начал терять сознание, и скорая помощь увезла его прямо с летного поля. Позже стало известно, что Каверзнева в Афганистане отравили, и он вскоре скончался.

Естественно, пишущая братия любопытствовала, что же там, в Афганистане, происходит на самом деле, и куда подевался бывший правитель страны Амин.

В срочном порядке популярного тележурналиста заменили Алексеем, чтобы он, как человек военный, поделился впечатлениями перед коллегами, не нюхавшими пороха...

Соня молчала. Похоже, вспоминала что-то свое, глубоко личное. Алексею надо было, чтобы она снова заговорила, и он напомнил о себе:

— Как же вы познакомились с генштабовским скворцом?

— Я очень хотела стать журналисткой, — после паузы продолжила Соня. — Шла горбачевская перестройка: гласность, митинги, демонстрации. Всеобщее опьянение воздухом свободы. Я шаталась по Москве и мечтала попасть в Домжур, куда пускали только по членским билетам. Этот человек и провел меня. Он умел не только писать, но и выступать перед аудиторией. Помню, как все смеялись, когда он рассказывал про колхозницу из гарема.

Да, Алексей тогда к месту ввернул ту комическую историю. Мужиков при погонах в 40-й армии было навалом. А дам — «ограниченный контингент». Понятно, что мужички голодали.

Чтобы подбодрить рассказчицу, Алексей изобразил любопытство:

— Странное сочетание: колхозница и гарем.

— Гарем был у дяди короля Дауда. Или у самого короля, не помню. Наложниц у него было около трехсот. После переворота их властелин эмигрировал, и гарем остался без хозяина. Его превратили по советскому образцу в рисовый колхоз. Старший евнух-смотритель стал его председателем. Работать наложницы не привыкли. Потому стали разбредаться, кто куда. Евнух, дабы добро зря не пропадало, стал ими приторговывать. Продал одну даму двум прапорщикам. Вы слушаете, Иван Сергеевич?

— Любопытная история. Что дальше?

Он и в самом деле с любопытством слушал свой рассказ в изложении постороннего человека.

— Прапорщики поселили даму в своей общаге. Кормили, одевали и по очереди отдыхали от трудных

военных дел в ее объятиях. Оголодавшая после бегства своего хозяина бывшая наложница отъелась, повеселела и даже освоила некоторые русские популярные обороты, имевшие прямое отношение к сексу. И все бы ничего, не стукни в хмельные головы прапорщиков идея: сдавать подругу на ночь в аренду. О предприимчивых прапорщиках узнал политотдел. Военная прокуратура завела дело о торговле живым товаром.

«Узнал не политотдел, а особый отдел, — мысленно уточнил Алексей. — Потому и дело завели. Прапорщики держались, как партизаны на допросе. Никого из арендаторов не выдали ни на следствии, ни на суде».

— Состоялся суд, — продолжала Соня. — Пострадавшей стороной была гаремная дама. Когда ей предоставили слово, она сложила руки на груди и заявила: «Я рада, что у нас народная власть. Она дала женщине права, как мужчине. Меня привезли в гарем из Курдистана. За три года мой господин только один раз взял меня на свое ложе. Теперь у женщины большие права. У меня два мужа — Саня и Ваня и много наложников. Это хорошо. Неужели русские хотят вернуть короля, чтобы отнять у меня такие права?».

Алексей вспомнил, как хохотал после ее выступления зал, и невольно заулыбался. Спросил:

— Какое же решение принял суд?

— Наложницу отправили назад в рисовый колхоз. А прапорщиков выпроводили в Советский Союз, — грустно ответила она и, помолчав, добавила:

— Бедная женщина! Я ее понимаю.

Соня кинула на Алексея вороватый взгляд, ожидая его реакции на последние свои слова. Он понимающе кивнул головой. Соня грустно улыбнулась.

— Вот так, Иван Сергеевич. Я ушиблась об этого человека. Потянулась к нему. Искала с ним встречи, узнала, где он живет, что у него есть семья. Дошло до того, что написала ему записку и предложила себя в любовницы. Но он или пожалел меня по малолетству, или я оказалась не в его вкусе, хотя слыл отчаянным бабником.

Соня замолчала, но долгой паузы не выдержала, спросила:

— Вам не интересно, Иван Сергеевич?

Прошрое осталось в прошлом, и интереса для Алексея теперь не представляло. Главное он выяснил: не было у Сони в отношении него, да и в отношении Баскакова черных мыслей. Она добросовестно отработывала свой гонорар. На контакт с ним ее толкнула примитивная ностальгия по любовному несостоявшемуся роману. Чтобы не оставлять ее вопрос без ответа, он сказал:

— Выходит, вы гораздо старше, чем выглядите. Горбачевской перестройке уже двадцать с лишним лет минуло.

— Стараюсь выглядеть моложе. Держу себя в жесткой форме.

— А что с мечтой о журналистике?

— Окончила журфак МГУ. Кстати, вместе с Лубченковым. Работала в муниципальной газете, затем вползла на телевидение. Поняла, что журналистика — далеко не золотое дно, и выбилась в рекламные чиновники, где и крутятся основные деньги. Вроде бы все при мне, а семьи нет. Даже постоянного любовника нет.

— Я, Соня, тоже не гожусь в постоянные любовники.

— Кто вы по профессии, Иван Сергеевич?

— Артиллерист.

— Я поняла, что в нашей кампании вы человек случайный. Больше напоминаете аналитика из какого-нибудь шпионского ведомства. Да и ваш сфинкс-водитель, наверняка, спецназовец.

Да, наблюдательная дама, в уме ей не откажешь, сделал вывод Алексей. Однако вопрос требовал уточняющего ответа.

— Недавно я вышел на пенсию, Соня.

— Не очень-то вы похожи на пенсионера.

— В армии так. Служил на крайнем севере и набрал льготный стаж, — соврал он.

Врать Алексею придется теперь постоянно. Такая уж ему выпала доля.

— Вам сорок с маленьким хвостиком? — спросила она.

— С большим хвостиком, — поправил он.

— Все равно разница в возрасте у нас небольшая, можем перейти на «ты».

— Согласен, на «ты».

Она замолчала. Ее бутерброд на блюде так и остался нетронутым. Алексей больше не хотел копаться в ее мыслях. И без того было видно, что она хочет что-то сказать, но медлит. Наконец, решилась.

— Ты останешься сегодня у меня, Иван?

Он подспудно ожидал подобного предложения. И, в общем-то, не возражал провести с ней ночь. Женщиной она была привлекательной и в то же время во всем ее облике проглядывала незащищенность той

юной евреечки. Тогда, двадцать лет назад, он ее пожалел. Теперь она страдала от одиночества, и пожалеть ее означало скрасить одиночество. Не только ее, но и свое.

— Останусь, — ответил Алексей...

Спать ему почти не пришлось. Она вела себя, как изголодавшаяся самка, нисколько не стесняясь в выборе поз. Великое дело — постельный опыт...

Утром, за кофе с бутербродами, Соня спросила:

— Как тебе, Иван, показался политолог Самойлов?

— Профессионал.

— Да, умом и хитростью Бог его не обидел. Нашему Шишмареву далеко до него. У Самойлова один недостаток — чрезмерно любит деньги.

В тот вечер политолог Самойлов задержался в офисе допоздна. Помощник и секретарша тоже оставались на своих местах. Так было заведено.

Ничего особого не произошло, но один прокол уже случился. Разоблачили завербованного в штабе Баскакова газетчика. Непрост оказался генерал. Военными технологиями воспользовался. Кто бы мог подумать, что он станет использовать полиграф!

Сам Самойлов не контактил с Лубченковым. Этим занимался его помощник по связям с общественностью — Шурик. Они работали вместе больше двенадцати лет, и тот ни разу его не подвел. Все переговоры, неважно — с друзьями или с недругами, помощник записывал на диктофон и пополнял свою фонотеку. Сегодняшний друг завтра может стать врагом, так что компромат всегда мог пригодиться. Записал он и разговор с незадачливым агентом.

Полтора часа назад тот заявился к Шурику и выложил все, что с ним произошло. Заодно сообщил о планах Шишмарева выпускать листовки, порочащие Заурбекова, от имени коммунистов.

Самойлов нажал кнопку диктофона и услышал голос агента:

— Возьмите меня в свою команду, Санч.

— Не могу, у нас полный комплект.

— Может, через своих знакомых коммунистам меня порекомендуете? Я бы вам от них информацию таскал.

«Это уже компра, — подумал Самойлов. — Дерьмовый человечешко, да еще и глупый. Но вдруг выплывет? Глупцов власть привлекает. Тогда и компра пригодится».

— Мы за честные выборы, Лубченков. Грязные технологии не применяем.

— Тогда заплатите хотя бы за сегодняшнюю информацию.

— После вашего провала ей грош цена. Прощайте, Лубченков.

Самойлов отключил диктофон. Жаль, конечно, агента, но потеря не велика. Из сметы расходов его можно не убирать. Заурбекову не обязательно знать о такой мелочи. Но и прогонять его, как сделал Шурик, не следовало. Зачем плодить лишних врагов, в каком бы ранге они ни были?

Он нажал кнопку вызова помощника. Когда тот вошел, сказал:

— Поспешил ты, Шурик, распрощаться с Лубченковым. Человечек он, конечно, мелкий, но может пригодиться. Свяжись с ним и используй на черновой работе. Поручай ему, например, расклейку листовок и что-либо в этом роде.

— Бу сде.

— Вот и ладушки. Что нового у соперников?

— Все по плану. Жириновцу пришлось выдать аванс. Шикует майор. Подобраться к коммунистам пока не удалось.

— Компру ищи, Шурик. У каждого индивида есть потайное доньшко. Формула проста: деньги, женщины, водка.

— Их Звоников — непьющий импотент. Довольствуется малым. Краснобайствует и сам собой любит.

— Привлеки Джабраилова, пусть его джигиты аккуратно поводят его.

— Думаете, что-нибудь накопают?

— А вдруг? С «Мужской газетой» договорился?

— Да. Проплатил. Выстрелит первой и второй полосами перед выборами. Кроме издателя и редактора, никто ни о чем не знает.

— Ладушки, Шурик. Можешь ехать домой. Секретаршу тоже отпусти.

Оставшись в одиночестве, Самойлов еще раз проанализировал расклад сил. Оратор нашел неплохой ход. Недаром его рейтинг растет, как на дрожжах. И команда у него серьезнее, чем у генерала. Значит, коммунисты и есть — главные соперники. Непонятно только, почему Звоников отказался подписать обращение. По идее, не должен был этого делать. А, может, они убойный компромат накопили на

Заурбекова?...

С жириновцами ясно. Их кандидат — непроходная пешка, хотя на людях и пыжится, щеголяет в полевой майорской форме и заявляет, что за ним стоит все русское офицерство. А того офицерства — человек пятнадцать, не больше. Перед выборами он снимет свою кандидатуру и призовет тех, кого сумел сагитировать, отдать голоса другу обездоленных граждан Илье Михайловичу Заурбекову.

Неглупый мужик — их кандидат. Догадался переименовать имя-отчество на русский лад. «Ильхам Махмудович» для выборов не годится из-за предвзятого отношения к кавказцам. Далек пойдёт Заурбеков, если не случится чего-либо непредвиденного. Не должно случиться!

2

Что бы там ни было, но обращение «За честные выборы» было подписано. Листовки с портретами обоих кандидатов были расклеены повсюду: на афишных тумбах, в подъездах, на заборах, в общественном транспорте. Фамилия Баскакова стояла первой. Шишмарев ходил, словно именинник.

Вся эта возня казалась Алексею детской забавой. Словно взрослые играли в прятки и хитрили, кто как умел. Бесхитростной выглядела только Наталья Кривова. Каждый раз к исходу дня она выкладывала Шишмареву на стол листок со своими соображениями и предложениями. Тот ухмылялся и снисходительно резюмировал:

— Есть рациональное зёрнышко. Но совсем маленькое. Шевели извилинами, дудыня!

Кривова не обижалась и напрягала свои извилины. Брошюра, которую она старательно наполняла полезными в домашнем хозяйстве советами, обещала и на самом деле стать полезной для обывателя. Шишмарев пребывал в радужном настроении, и даже появившаяся спустя несколько дней газета коммунистов «Искра» не повлияла на него.

Весь номер был насыщен компроматом в адрес соперников. Больше всего досталось Заурбекову. Читателя просветили, что его настоящее имя не Илья, а Ильхам, а отчество — не Михайлович, а Махмудович. Алексей прочел все материалы и с удивлением обнаружил в них факты, о которых он еще из Бобровки сообщал в письме на имя генерального прокурора.

В тексте статьи даже упоминался неггибаемый коммунист, неуловимый борец с преступностью по кличке Утопленник. Автор соизволил намекнуть, что редакции хорошо известен этот народный мститель. Судя по всему, коммунисты не терялись и тоже купили солидного информатора из прокурорских чиновников.

Однако шишки сыпались не только на Заурбекова. Досталось и генералу Баскакову. Для Алексея стало откровением, что, будучи в Чечне начальником особого отдела корпуса, Баскаков приказал расстрелять три семьи, из которых мужчины ушли в горы воевать против русских.

Прочитав газету, Шишмарев сказал:

— Этого, Иван, следовало ожидать. Баскаков и Заурбек — главные конкуренты коммунистов. Вот и поливают нас. Даже, если генерал приказал кого-то расстрелять, война есть война. У нее свои законы. Я знаю электорат, многие встанут на сторону Баскакова. Согласен?

Алексей неопределенно кивнул.

— Только напрасно они присочинили про мифического Утопленника, — продолжил Шишмарев. — Шито белыми нитками. Впрочем, электорат проглотит любую лабуду.

— А может, и не лабуда это вовсе? — нейтрально возразил Алексей.

— Вот видишь, даже тебя, военного человека, колебнули. А народ байку про народного мстителя проглотит, как стакан водки...

Соню Сахарову Алексей видел только на вечерних летучках. У нее не было регламентированного рабочего графика. Избирательная компания была лишь частью ее рекламной деятельности на телевидении, потому она появлялась в штабе Баскакова по мере надобности. Пирсинг исчез с ее пупка, Алексей убедился в этом, навестив ее через пару дней вновь. Впрочем, и пупок она тоже теперь не выставляла напоказ. Сменила молодежный топик на блузку с рюшечками и строгий лиловый костюм. Сиделась рядом с Георгием на диван и время от времени взглядывала на Алексея.

Она и испортила настроение Шишмареву, принесла на вечернюю летучку очередной номер бюллетеня заурбековцев под названием «Другу-избирателю». Но сначала показала ее Алексею.

Это был ответ на публикацию «Искры». Доверительным тоном «другу-избирателю» доказывали, какой нехороший дядя — кандидат от коммунистов. Оказывается, он человек насквозь фальшивый. Перечислялись квартиры сыновей, двух сестер, тещи. Автор довольно прозрачно намекал, что на это пошли деньги партии, к которым соискатель депутатского мандата имел в свое время касательство как доверенный курьер, доставлявший валюту африканским компартиям.

Квартиры у родни — ничего необычного, подумал Алексей. А насчет курьера явно наврано. Не годился

для такого серьезного дела кандидат-говорун. Да и было ему в те времена не больше пятнадцати лет.

Не обошел автор бюллетеня вниманием и личность Утопленника. Поведал читателям, что этот тип — международный террорист, за которым давно гоняется Интерпол.

Шишмарев читал бюллетень заурбековцев после летучки. Сначала довольно ухмылялся, затем помрачнел. В конце бюллетеня болезненный пинок получил генерал Баскаков. Со вкусом описывалось, как, будучи еще капитаном, он травил инакомыслящих и определял их в психушку.

— Суки! — возмутился Шишмарев. — Это все Самойлов! Ну, мы им покажем!

Однако показывать было нечего. Баскакова стали долбать и заурбековцы, и коммунисты. Отмалчивался только штаб партии Жириновского, которая выдвинула кандидатом в депутаты парламента молодого майора, представлявшегося руководителем союза русских офицеров. Ходил слухок, что этот русский офицер должен снять свою кандидатуру в пользу Заурбекова. Не бесплатно, конечно.

Избирательный штаб генерала Баскакова залихорадило. Фанфурики новых идей не предлагали. Шишмаревский генератор идей тоже заклинило. Рейтинг Баскакова покатился вниз, в то время как соперники набирали очки. Причем коммунист, хоть и медленно, но шаг за шагом приближался в смысле избирательских симпатий к беспартийному Заурбекову.

Законы, что принимают парламентарии, всего-навсего рамки, в которых позволено жить обывателю. Заурбеков считал, что главные законы диктуют реалии жизни. Он понимал также, что человеку невозможно жить в скорлупе вечно. Но кое-кому приходится, ему в том числе. Он чувствовал, что его скорлупа истончилась до предела.

Раньше напряжение снимали любовницы, теперь они его не интересовали. И жену-землячку он не навещал уже больше месяца, ночевал в офисной комнате отдыха, опасаясь Утопленника. Так и не смогли до него добраться ни джигиты, ни Контора. Утопленник — тень, ее ни ухватить, ни умертвить. Пока эта загадка не разгадана, из скорлупы не выбраться. А если она треснет сама, все пойдет прахом, все, чего он сумел добиться.

Ежедневно в семь вечера к Заурбекову приезжал Казбек Джабраилов для доклада и инструктажа. Он не сомневался в преданности своего сторожевого пса. Казбек был ему ближе и понятнее, чем начальник службы безопасности, которого джигиты прозвали «майор Сапог». Тот тоже внушал доверие, но этот был свой, даже родственник по клановым понятиям. Но и Казбека хозяин держал на дистанции. Каждый человек должен знать свое место.

Джабраилов явился, словно прокрался, и замер в ожидании приказаний.

— Докладывай! — разрешил хозяин.

Джабраилов начал, как обычно, с поступления финансов от крышевания фирм и торговых заведений. Он сам, облеченный доверием хозяина, собирал дань с коммерсантов. Отчитавшись по столь важным делам, перешел к текучке, в которой мало что смыслил. Сообщил, что к Самойлову приезжали двое от генерала Баскакова насчет честных выборов.

— Знаю. Дальше!

— Санч передал просьбу Самойлова установить наблюдение за кандидатом от коммунистов.

Заурбеков скривил губную полоску. Значит, политолог тоже обеспокоен растущим рейтингом главного соперника. Он вспомнил свою первую встречу с Самойловым. Тогда политолог сказал:

— В политике важен символ, будь то свастика, звезда либо какая другая закорючка. Они заменяют идею, на которой выпекаются партии и бродит дрожжевая истерия толпы.

— Я беспартийный, — ответил Заурбеков, — мне символ не нужен.

— А бренд?

— «Всегда с народом».

— Пожалуй, неплохо...

Умный мужик Самойлов. Сразу ухватил, что главный соперник — Звоников. А ведь ничего, кроме хорошо подвешенного языка, за душой нет: ни знания экономики, ни управленческих навыков. Ездит без охраны на какой-то тарактелке, собирает толпу и вещает через мегафон, что он такой же, как они, обездоленный, и знает, как сделать жизнь лучше. Обыватели слушают его сказки с раскрытыми ртами. Теледебаты с ним заранее можно считать проигранными, лучше вообще от них отказаться.

— Что еще сказал Санч? — спросил Заурбеков. — Для чего наблюдение?

— Чтобы компромат найти.

Дорого бы дал Заурбеков за серьезный компромат. Копали спецы из Конторы, и ничего, кроме квартир у родственников, не нашли. Да и квартиры те получены еще при Брежневке.

— Не надо наблюдения, Казбек.

— А что надо?

Заурбеков знал, что надо. Самое надежное, чтобы краснобай вообще сошел с дистанции. Добровольно

не сойдет, солидные люди вложили в него немалый капитал.

Казбек Джабраилов терпеливо ждал. Сам он никогда ничего не предлагал, но желание хозяина угадывал с полунамека.

— Ты кино про Боливар видел, Казбек?

— Нет.

— Боливар — это конь. Один из героев фильма говорит: «Боливар двоих не выдержит!» Понял?

— Понял. Коню тяжело. От второго всадника надо избавиться.

— Правильно мыслишь. Надо избавиться. Но не сейчас, позже.

— Ждать команды?

— Да. Для таких акций джигитов не привлекай. Славян используй на подхвате втемную.

— Понял, втемную.

— Вопросы есть?

— Нет.

Звоников между тем набирал обороты. Толпы людей на его стихийных митингах увеличивались с каждым днем. В основном, это были пенсионеры и люди старшего возраста. Самая активная часть электората. Выросшие при советской власти, они впитали идею всеобщего равенства. Небогато жили, зато все одинаково. А теперь расплодились олигархи, хозяева, бандиты, проститутки. Звоников об этом и вещал в громкоговоритель.

Настал день, когда телевидение сообщило, что кандидат коммунистов стал лидером предвыборной гонки.

Заурбеков вызвал Казбека.

— Нашли компру на Звоникова?

— Нет.

— Что Самойлов?

— Санч сказал, что рейтинг коммуниста достиг предела. А у нас еще есть резервы.

— Резервы — понятие абстрактное, — проговорил он и погрузился в раздумье.

Конечно, Самойлов политолог опытный. Но ведь прозевал, не спрогнозировал прыткость соперника. Почему он решил, что у того пик рейтинга? Человек из областной администрации сообщил Заурбекову, что Звоников решил собрать избирателей на стадионе и честно рассказать про всех кандидатов в депутаты.

Он глянул на Джабраилова. Тот ждал указаний.

— Время пришло, Казбек. Действуй.

— Может и генерала — того?

Заурбеков скривился: совсем бригадир не соображает, не то, что Юрист.

— Выкинь Баскакова из головы! Он нам не соперник...

Обстановка в избирательном штабе генерала Баскакова напоминала поминки. Шишмарев был в растерянности. Даже утратил интерес к брошюре, которую готовила Наталья Кривова. Сам кандидат в депутаты ходил хмурый и молчаливый, как после проигранного сражения, за которое придется держать ответ перед высоким командованием.

В воздухе неуловимо что-то накапливалось. Так бывает в природе: небо чистое, солнце щедро заливает окрестности горячими лучами, пляжи забиты отдыхающими и любителями дерябнуть под шашлычок. Но в эту тихую безмятежность незаметно вползает духота, предвещая грозу. Казалось бы, совсем малое облачко возникло на горизонте. Но уже через полчаса оно заполонило полнеба, и засверкали молнии.

Так и в обыденной жизни. Только громовой раскат раздается без предупреждения: нате, получите!

Гром грянул ровно в полночь, а на утро все средства массовой информации сообщили о том, что в подъезде своего дома был застрелен Геннадий Звоников, кандидат в депутаты Госдумы от партии коммунистов.

Версий было две. Основная — заказное убийство, связанное с предвыборной гонкой. Вторая — обычное ограбление, потому что с трупа были сняты дорогие часы, а карманы костюма оказались девственно чисты. Хотя, по утверждениям друзей, при нем была некая сумма в валюте.

Известие резануло Алексея в самую серединку груди. Грязные технологии он предвидел, без них не обходятся ни одни выборы. Тешил себя надеждой, что предвыборные баталии обойдутся без трупов. Подмосковье — не Техас, где можно убить президента и спрятать концы в воду. Да и ставки здесь много ниже: не президента выбирают.

Он был уверен, что версия ограбления притянута за уши. Произошло стандартное заказное убийство, каких в России немало. К уголовным разборкам за передел сфер влияния люди привыкли. Большие деньги всегда пахнут кровью. Но тут не собственность, не деньги, а демократические выборы.

Алексей пытался успокоить себя тем, что никакого отношения к убийству лично он не имеет. Но спокойствия не было. Что-то подсказывало ему, что должны появиться новые трупы.

Шишмарев между тем оживел.

— Теперь поборемся! — сказал он Алексею. — Народ голосует не за партии, а за личности. Оратор был мужик яркий, красиво дурил толпу. Нет его! Теперь второй тур выборов за нами.

— Не забывай, что второго тура голосования может не быть, — охладила его пыл Соня Сахарова. — Заурбеков способен набрать больше пятидесяти процентов голосов.

— Не дадим!

В тот день Шишмарев обложился папками, в которых было собрано все, что касалось выборов на Украине и в Грузии. Вчитывался так, словно собирался сдавать выпускные экзамены. Алексей не понимал, что он может выудить из папок. Да и настроения не было любопытствовать. Тем не менее, Шишмарев воскликнул:

— Эврика! Нашел!

— Нашел? — изобразил удивление Алексей.

— Кто ищет, тот находит, Иван. Завтра озвучу. Пригласим Соньку, она баба умная. Может присоветовать что-нибудь по деталькам. Ну, что, по коням?

3

Известие о расстреле кандидата-зюгановца стало для политолога Самойлова полной неожиданностью. Он не признавал грубую работу. Выборы — это конкуренция технологий, а не оружия. Самойлов почти не сомневался, что смерть Оратора — дело рук джигитов Джабраилова. И не без санкции хозяина. Поторопился Заурбеков.

Впрочем, из всего можно извлечь пользу. Исчезновение основного соперника упрощало выборную гонку. Появилась возможность обойтись без второго тура. А что касается шумихи в прессе — это процесс управляемый.

Самойлов нажал кнопку вызова помощника. Тот появился без промедления, чисто выбритый, с влажными, аккуратно расчесанными локонами. Но по лицу и глазам видно было, что ночь он провел бессонную.

— Присядь, Шурик. Много выпил?

— Я много не пью, вы знаете.

— Не пьет мой помощник Шурик. А Санч, как тебя называют студентки, употребляет. Опять с ними баловался?

— Каюсь, Григорий Семенович.

— Не злоупотребляй, Шурик.

— Не буду.

— Что ты думаешь о ЧП у коммунистов?

— Лучше, если бы его не было. Ненужный скандал.

— Правильно. Кто, по-твоему, исполнитель?

— Казбек Джабраилов, — не задумываясь, ответил тот.

— Почему так думаешь?

— Я передал ему ваше распоряжение искать компру. Не нашел — и грохнул.

— Без ведома хозяина?

— Кто его знает.

— А ты подумай.

— Джабраилов — исполнитель. Сам бы не решился.

— То-то. Не засветится исполнитель?

— От нас зависит.

— Правильно мыслишь, хотя и провел бессонную ночь.

— Голова в ней не была задействована.

— Да, голову надо беречь.

Самойлов не осуждал помощника. Все по молодости торопятся вкусить радостей жизни. Главное, чтобы делу не мешало. У Шурика не мешает. А ведь провинциал, явившийся в столицу искать место под солнцем. Самойлов заметил его еще на третьем курсе юридического вуза, куда его приглашали читать лекции. Студент ретиво изучал гражданское право, дотошно выпрашивал подробности нашумевших процессов. По всему было видно, что вуз ему нужен не только для диплома, а, в первую очередь, для знаний. Толковый парень — Шурик. Хотел бы иметь Самойлов такого сына. Судьба же наградила его взбалмошной дочерью, успевшей дважды побывать замужем.

Шурик сидел напротив, всем видом показывая, что готов ответить на любые вопросы.

— Значит, от нас зависит, говоришь?

— От нас.

— Что предлагаешь?

— Проработать тему: кому выгодно убийство Оратора.

— Прорабатывай.

— Рейтинг у нашего кандидата самый высокий. Ему незачем заказывать ликвидацию соперника, второй тур, как минимум, обеспечен. Убийство Оратора выгодно тому, у кого мало шансов проскочить во второй тур.

— Кому?

— Баскакову, Семен Григорьевич.

— Вот и ладушки, Шурик. Переводи стрелки на генерала.

Генерал Баскаков после убийства коммуниста, так же, как и Шишмарев, воспрял духом. И пожелал принять участие в совещании, устроенном рулевым избирательного процесса. Шишмареву это не очень-то понравилось, тем более, что генерал притащил с собой начальника службы безопасности.

— Озвучиваю идею, — начал Шишмарев. — В Грузии один из кандидатов, чтобы оторвать у соперника голоса верующих, выпустил от его имени листовки, в которых приглашал избирателей на встречу в церкви. Как вы знаете, церковь предназначена только для проповедей и молений. Верующие, конечно, были в шоке. Устроили пикет перед церковью и, само собой, отвернулись от соперника. Ну, как?

— Мерзко, — сказала Соня.

— Согласен. Но выборы есть выборы. Тут чистоплюйству места нет. Предлагаю! Выпустить листовки от имени Заурбекова и назначить встречу с избирателями в мечети, которую построили на его деньги. Сбор назначим на пятницу, святой день для мусульман.

У него в их среде куча сторонников. Надеюсь, что они отнесутся к этому, как и положено правоверным. Принимается? — и взглянул на Баскакова.

— Продолжайте, — нейтрально отозвался тот.

— Прошу озвучить мнения, — предложил Шишмарев.

— Мерзко, — повторила Соня.

Алексей был согласен с ней. Он еще не отошел от настроения, вызванного убийством Оратора. Потому сидел молча, все больше убеждаясь, что политика, особенно выборы, дурно пахнут. И не только пахнут, но и чреватые кровавыми разборками. Шишмарев не дал ему отмолчаться:

— Твое мнение, Иван Сергеевич?

— Я в этом деле — профан.

Ответ явно понравился Шишмареву, тем более что его слышал сам Баскаков. Пусть генерал убедится, что он вполне мог бы обойтись без консультанта. Шишмарев кивнул с сожалющим видом и продолжил развивать идею:

— Акцию назовем «Аллах Акбар». Наши помощники — студенты расклеят ночью листовки поблизости от мечети. И на мечети — тоже. В день акции отправим туда инкогнито нашу прессу. Потом официально опубликуем, с упором на чувства верующих, как Заурбеков облажался.

Генерал наклонил голову в знак одобрения. Георгий никак не реагировал, словно давал понять, что его профиль — обеспечение безопасности, и ничего более. Лишь Соня воспринимала происходящее, как работу.

— Самойлов может переиграть нас, — сказала она.

— На чём? — возмутился Шишмарев. — Станет доказывать, что это происки соперников? На нас обрушится? А где доказательства? Нет доказательств!

— Могут выйти на типографию.

— Не выйдут.

— Сейчас все продается и покупается, Виктор Спартакович.

— Над листовкой будет работать только один человек, у него свое типографское оборудование. Выказывать себя ему не с руки. Налоговики прижмут, мало не покажется.

Вздохнув, Соня проговорила:

— Если нас схватят за руку, акция обернется против нас.

— Не схватят, госпожа Сахарова, — ответил Шишмарев. — Об этом я позабочусь.

— Да уж, позаботься, — поставил точку Баскаков.

Помощник принес Самойлову листовку под вечер.

— Под нас копают, — сказал.

Политолог прочитал, усмехнулся.

— Чье изделие, как думаешь?

— Коммунисты в офсайде. Либералам Жирика это ни к чему. Демократы между собой грызутся. Тут генеральские недоучки постарались. Мы можем дать опровержение.

— Зачем?

— Чтобы мусульмане не возмутились.

— Не возмутятся. Переговорим с муллой. Он объявит, что Заурбеков пригласил избирателей, чтобы совершить совместный намаз.

— Заурбеков общается с электоратом, в основном, из телестудии.

— Объясним ему ситуацию. Он — не дурак, поймет. Обзвони наших журналистов. И с прессслужбой генерала переговоры. Кто у них вместо Лубченкова?

— Наталья Кривова.

— Что она из себя представляет?

— Старается. Но без фантазии. Они там все без фантазии.

— Так уж и все?

— А что? Есть исключения?

— Ах, Шурик, Шурик! Знаешь, какой у тебя самый большой недостаток?

— Какой? — без энтузиазма поинтересовался помощник.

— Вопросик на засыпку. Как тебе показался зам Шишмарева?

— Подполковник?

— Он самый.

— Никак не показался.

— Почему?

— У военных, как известно, всего одна извилина в голове, и та от фуражки.

— Вот он, твой недостаток, Шурик. Делаешь скоропалительные выводы.

Помощник понял, что патрон неспроста заговорил о подполковнике. Потому и подставился: пусть поучит, ему это занятие нравится.

— Никогда не торопись с выводами, Шурик. Сначала — сбор фактов и поступков, их анализ. Что, например, тебе известно об Иване Сергеевиче Турченко, кроме того, что он подполковник?

— Ничего.

— Вот видишь, ничего. А мне сдается, что не прост этот индивид. Ох, не прост. И с извилинами у него все в порядке. Детектор лжи, наверняка, его идея.

— Не сообразил, Семен Григорьевич.

— Позвони Казбеку, пусть его джигиты сядут на хвост этому Ивану. Где и с кем живет. Куда и к кому ездит. Пусть его телефон подключат на запись. Не нам джигитов учить. И категорически предупреди: без трупов!

— Бу сде.

— Что с переводом стрелок на генерала?

— Завтра появятся публикации в трех газетах.

— Своевременно. А теперь подведем итоги. Вместе с нашими журналистами пригласи в мечеть, как ее?...

— Кривову, — подсказал помощник.

— Да, ее — тоже. О совместном молении ни слова. Встреча с избирателями, и ничего больше.

— Понял.

— Всю добытую о подполковнике информацию — мне на стол.

— Бу сде.

— Вот и ладушки, Шурик...

О новой просьбе Самойлова, переданной ему Санчем, Джабраилов в тот же вечер доложил хозяину. При слове «подполковник» что-то ёкнуло в груди Заурбекова. Утопленник тоже был подполковником.

— Ты видел его, Казбек?

— Видел.

— Как он выглядит?

— С маленькой бородой и усами. В сером костюме.

— Это не портрет, Казбек. Я давал тебе фотографию Утопленника. Похож подполковник на него?

— Нет.

Заурбеков выдвинул ящик стола, подвинул Джабраилову пачку снимков:

— Посмотри еще раз. Внимательно.

Тот старательно перебрал снимки и отрицательно покачал головой:

— Не он.

Конечно, не он, подумал Заурбеков. Тот силовик-чистильщик. Выборы — не его стихия. А подполковник у Баскакова — всего лишь его подчиненный, которому не надо платить больших денег.

— Следить за ним?

Смысла в слежке лично для себя Заурбеков не видел. Но Самойлову это зачем-то понадобилось. Политолог — человек умный. Среди евреев много талантливых и умных людей. Им надо хорошо платить и использовать их в своих целях. Под контролем использовать.

— Возьми подполковника в разработку, Казбек.

— Сколько времени его водить?

— Три-четыре дня, не больше...

На другой день в трех слегка желтоватых газетах появились репортажи о собственных расследованиях убийства известного политического деятеля из лагеря коммунистов. Все издания задавались вопросом: кому это выгодно? Этот вопрос стоял заголовком над самым хлестким репортажем. Его автором значилась женщина по фамилии Новодвойкина. Но текст был написан по-мужски. Не особо стесняясь в выражениях, автор рассуждал о несовершенстве законов, поливал грязью охранные структуры. А на вопрос: «Кому это выгодно?» отвечал, что больше других от теракта выиграл генерал Баскаков.

— Вот суки! — сказал Шишмарев, прочитав публикации. — Ничего, еще не вечер! У нас еще мечеть в значке...

ГОНКА С ПРЕПЯТСТВИЯМИ

1

Он ехал к Соне, когда неожиданно ощутил, что их машину пасут.

— За нами хвост, Талгат, — сказал.

— Заметил, — ответил водитель.

— Проверься.

После нескольких поворотов и разворотов, Талгат доложил:

— Серый «Шевроле» и серая «Волга».

Неужели заурбековцы признали в нем Утопленника? Маловероятно, но не исключено. Надо поставить в известность Пилота. Впрочем, Талгат сделает это без напоминания. А что сейчас? Светить квартиру Сони и впутывать ее в разборки — она не заслужила. Значит, постельное свидание откладывается. А её следует предупредить, чтобы не звонила по домашнему телефону: засекут.

— На улицу Вострухина, — распорядился Алексей.

Когда подъехали к дому, Талгат сказал:

— Может, мне у вас переночевать?

— За меня не беспокойся, Талгат. Я бессмертный.

— Тогда я в машине посплю.

— Нет. Ты должен нормально отдохнуть.

Алексей зашел в подъезд и дождался, когда Талгат уехал.

В квартире, не включая свет, он минут десять стоял у окна, наблюдая за двором и единственной подъездной дорогой. Посторонних машин во дворе не было. Дорога пустовала. Однако Алексей ощущал чужой взгляд. Пастухи были рядом. Возможно, вели наблюдение с территории детского сада, закрытого из-за позднего времени.

Он отошел от окна и включил свет.

Утром слежка продолжалась. Талгат обнаружил преследователей, сделав лишний круг по Таганской площади. Это не был вчерашний серый Шевроле. Судя по всему, наблюдение велось из маршрутного такси с занавесками на окнах. Газель сопровождала их до ворот со шлагбаумом. На территорию не рискнула заехать, но Алексей не сомневался, что пастухи затаились, и будут караулить его на выезде.

Он не стал обедать вместе с фанфуриками. Велел Талгату ехать в Олимпийскую деревню, названную так в честь проходившей когда-то в Москве Олимпиады. Теперь это стал престижный жилой микрорайон с множеством рестораничек и кафе.

Преследователи на пути не просматривались. Однако Алексей ощущал их присутствие. Засветились они лишь у ресторана, где они с Талгатом решили подкрепиться. Выбрали угловой четырехместный столик, чтобы можно было обозревать небольшой зал. При этом Талгат мог наблюдать через окно за площадкой для